

Петя Кокорев, парень из Питера

*И никто не наливает вино молодое в мехи ветхие;
иначе прорвет вино молодое мехи,
и само вытечет и мехи пропадут;
но вино молодое надо наливать в мехи новые.
и никто, испив старого не захочет молодого,
ибо говорит: «старое хорошо».*
Лука 5:37-39

Был у нас на курсе в Институте, в 3 й академической группе, не совсем обычный студент – Петр Кокорев. Он был, что называется, не со школьной скамьи, а направлен в МГИМО по партийно-комсомольской разрядке. Существовала в те времена такая практика: укреплять разболтанную и избалованную школьную массу поступающих (как правило, это были дети дипломатов и иных высокопоставленных советских чиновников) закаленной производственной прокладкой. Прокладка эта, по мнению тогдашних идеологов, должна была сыграть роль структурообразующего ингредиента, некоего связующего звена, призванного переплавить достаточно разболтанную толпу абитуриентов, многие из которых, если не большинство, провели свои детские и юные годы вместе с родителями на «тлетворном», «разлагающемся», но никак не способном до конца разложиться Западе, в крепких идейных борцов внешнеполитического фронта.

Петя парень был веселый, общительный, но, по-своему, был он человек строгих правил. Насколько помню, он даже не курил, что тогда, в те благостные семидесятые, было не модно. Тренд был – смолить с утра до ночи, утверждаясь, таким образом, чем большинство студентов мужеска пола и занималось, про девушек – не скажу. Конечно, такие были. Но за давностью лет, картинка смазалась и расплылась, имен не вспомнишь.

Одевался Петя тоже не так, как все. Были в его одежде какие-то едва заметные мелочи, которые выделяли его от остальных первокурсников, среди которых, безусловно, господствовал спущенный сверху бюрократического образец, как сейчас бы сказали – дресс-код (тогда такого слова еще не было): темный костюм, светлая рубашку, галстук умеренных однородных тонов. Почему-то очень хорошо запомнил его черную рубашку в

крупный белый горошек, которую, он неизменно носил первые два года, а может и больше. Но первый и второй курс у меня железно ассоциируется с этой рубашкой Пети. На общем фоне светлых рубашек и темных пиджаков этот нестандартный «прикид» высокого, статного молодого человека не мог не обратить на себя внимание. В серо-зеленых глазах Пети угадывалась некая бесовщина.

Отлично играл в футбол. Это я хорошо запомнил. Тоже часто этим баловался, тогда еще дружил со спортом и всегда был не против погонять мяч. Техники хорошей никогда, правда, не было. Но был напор, энергия, даже некая агрессивность. И в институте бегали мы за мячиком часто: на импровизированных площадках в московских переулках (в Калошином, в Николощеповском переулке), или на подмосковных полях в период разных «картошек». Был у Пети излюбленный финт: стать спиной к противнику, прижать мяч одной ногой к земле и спокойно его перекачивать вправо-влево, пока атакующий бегаёт вокруг него в бесплодных попытках добраться до мяча. В нередких единоборствах он всегда мастерски обыгрывал меня. Я бегал вокруг него, стараясь любой ценой отобрать мяч, но ничего не мог поделать. Петя мяч не отдавал и всегда в этих стычках доминировал. По классу игры с ним мог, пожалуй, сравниться только Володя Волнов. Но, как правило, с Волновым мы играли в одной команде и таких единоборств, как с Петей, между нами практически не было. А может быть и были, но в памяти не остались. Володя Волнов, это особая тема и особая боль... Но мы сейчас про Петю Кокорева.

Жил Петя в общежитии, как и все, кто прибыл в МГИМО не из Москвы. Условия, понятно, – не очень, не сравнить с нашими домашними. Но как-то со всеми ладил: с острым язычком, с юморком, подколками, но конфликтов не случалось. Толя Семенцов как-то на одной из посиделок рассказывал мне, как он нередко бывал у Пети в его номере «общаги». Было даже какое-то приключение, когда пришлось залезать к нему в номер ночью через окно. При этом Петя вытянул в окно руку и втащил Толю в свою комнату на этой руке, да, на одной руке.

Но вот была в Пете одна черта, которая моментально бросалась в глаза, которую было невозможно не заметить. Это умышленное и вполне осознанное противопоставления себя остальным студентам, как человека нездешнего, особенного, «питерского».

Это слово – «питерский» – я впервые как раз услышал от него. Произносил он его с неким вызовом, как бы смакуя и подчеркивая свою непо-

хожесть на остальных, умышленно противопоставляя свою «нездешность» суетливой московской массе. Он вроде как бы и не хотел казаться лучше или хуже. Он хотел оставаться другим, эдаким пришельцем из неведомого нам мира. Но уже тогда мне интуитивно было понятно: если человек не хочет быть как все, не хочет быть в общей массе, то он никогда не воспримет себя ниже этой массы, а только выше.

У нас учились ребята из других городов, из союзных республик (Армения, Азербайджан, Эстония, Литва), но они никак не акцентировали внимание на своей несхожести с большинством московских студентов, хотя оснований у них для этого (язык, воспитание в иной социально-культурной среде) было на порядок больше, чем у Петра Кокорева из Ленинграда. Наоборот, они хотели быть как «все», один коллега из Армении, как мне казалось, даже стеснялся своего акцента, и многое бы отдал, чтобы позиционировать себя как москвич, с нашим акающим московским говором.

Помню, когда Петя Кокорев произносил слово «питерский» в его голосе звучала почти дворянская надменность. Человек как-то по-другому себя само идентифицировал. Почему? С какой целью? Какая была у него мотивация противопоставлять себя своим коллегам-сокурсникам. Тогда это казалось загадкой. Дошло это до меня гораздо позднее... Когда я, уже не в молодых годах не просто побывал в Питере, а два с половиной года пожил в этом городе...

Питерская «нездешность», отстраненность, надменность, тогда, помню, озадачили меня: ни с чем подобным ранее никогда не сталкивался. Родившись в 1957 году на Арбате, у Никитских ворот, в Столовом переулке, я уже в 1961 оказался у черта на куличиках, почти у МКАД. Наш старый, деревянный дом, с печным отоплением и казавшимся мне тогда, четырехлетнему ребенку, огромным пространством в виде коммунальной кухни, шел на снос и родителям дали смежную двушку в Измайлово, на 15 Парковой улице, где, собственно, провел все школьные, институтские и многие последующие годы, можно сказать – всю юность, молодость и зрелость, пока в 1994 году не перебрался в Митино. Тоже не ближний конец. Но жизненно-бытового пространства там было куда больше, у каждого из двоих детей, наконец, появилась отдельная комната.

Теперь на месте снесенного дома стоит поликлиника Министерства экономического развития. Красивое модное здание, но мне, когда бываю в тех местах, а, чем ближе пенсия, хочется почему-то бывать там все чаще,

видится этот старый двухэтажный дом и стоящие рядом слева от подъезда металлические гаражи, где более полвека назад мы прятались, играя в незатейливые детские игры. «Никитские ворота» остались только как городской топоним. Самых ворот, настоящих, могучих, с затейливой чугунной решеткой давно уж нет, как нет и того овощного магазина, прямо напротив церкви Вознесения Господня, известной всем, главным образом по туристическим справочникам, тем обстоятельством, что в ней А.С. Пушкин венчался с Н.Н. Гончаровой. Несколько домов, стоящих на стрелке между этой этой статной и статусной церковью и Никитским бульваром также давно снесены, и сейчас там аккуратная полянка с постоянно обновляющимся газоном, который заканчивается фонтаном-ротондой «Наталья и Александр» («Сашка и Наташка» – как слетает с острого язычка местных аборигенов). Появившиеся в начале 90-х конструкция сразу же была воспринята коренными местными жителями как вычурное проявление «лужковского стиля» дешевого пафоса и бессодержательной помпезности, не очень на мой и не только мой взгляд, уместного в данном городском и историческом контексте. Но время идет, коренных жителей становится все меньше. Еще лет двадцать-тридцать и этот архитектурный новодел будет восприниматься будущими поколениями как адекватный исторический памятник.

В период учебы в Институте в середине 70-х у меня не было никакого представления о региональных и иных специфических различиях русских городов, далее и весей. Для юного комсомольца с достаточно правильными по тем меркам взглядами и внутренней карьерной мотивацией все население страны абсолютно искренне представлялось «единой общностью», а задачи страны заключались не в культивации некой непонятной, а потому чуждой самобытности, а «строительстве развитого социализма»... Как-то там еще было дальше – в учебниках по политэкономии социализма? Жаль, не осталось ни одного. Хотя первое время после окончания Института вся эта литература какое-то время хранилось в углах «темной» комнаты. Не люблю выбрасывать книги: умом понимаешь, что это – пройденный этап, прошлый век, никогда никому не потребуется и не пригодится, а выбросить рука не поднимается. Но постепенно как-то все растерялось и развеялось в периоды переездов и перемещений в пределах нашей «некультурной» столицы. А интересно было бы почитать, позабавить слух той отчеканенной, «единственно верной», лексикой. Сейчас бы, думаю, она звучала забавно.

Несколько слов об единообразно понимании русского национально-го характера. Мне долго казалось, что сам этот трудно уловимый и сложно определяемый, с точки зрения лексических терминов, предмет – русский национальный характер – одинаково проявляем и воспринимаем на всей нашей мучительно-огромной, благословенной и Богом хранимой территории, назови ее хоть СССР, хоть Россия, хоть «русский мир». И почему то я считал, что и другие должны думать и чувствовать точно также. Возможно, на юную, наивную и легко трансформируемую психику оказывали магическое влияние несущиеся со всех трибун и кафедр, вылитые почти в мрамор в каждом учебнике политэкономии социализма и «истории КПСС» слова о том, что мы – «советский народ» и «новая общность». И эта гомогенная система, замешанная на «единственно верном марксистско-ленинском учении», создана советским людьми, не просто соседями по территории, а «братьями по духу» и счастье всем нам будет, чего тут сомневаться, действительно, «на века». Тогда еще никто не вышел и даже не собирался выходить из этой «новой исторической общности советских людей», заявлений таких не писал, позицию внутреннего несогласия не оглашал, и вполне себе безмятежно, а некоторые – так даже очень успешно в сей «общности» пребывали и строили свои служебные карьеры.

И вот на фоне зачастую искусственно и навязчиво демонстрируемого единства некая бравада загадочной «непохожестью» со стороны студента из Ленинграда, вводила меня в легкое замешательство. Однако человеческая симпатия к Пете Кокореву была столь велика, что его легкая антимосковская фронда никак не сказалась на наших личных отношениях.

Только намного позже, когда стал жить в Санкт-Петербурге, я понял или, возможно, мне кажется, что понял причины и мотивы этого, скажем политкорректно, «локального патриотизма», выстроив для себя картину исторической дихотомия «любви-ненависти» двух столиц. Это явная и неявная борьба за статусы, это плохо скрываемая конкуренция за первенство в самых различных экономических, социальных, культурных и иных сферах породила целую школу питерской историографии. Книги Н. Синдаловского, Л. Лурье и многих других местных авторов об «имперской столице», о нравах ее жителей, о «питерщиках», находили и находят живой отклик в сердцах населения города. Хотя, конечно, что тут скрывать, после войны и пережитой блокады, Ленинград был практически заселен заново. Но вновь приехавшие восприняли, впитали этот «питерский дух», став его сторонниками и носителями. И несмотря на проходящую все по-

следние годы дегуманизации города, резкого понижения статуса в советский период («великий город с областной судьбой»), дух этот еще никак не выветрится. Более того, чем больше мифологизации, тем крепче сопротивляются островки этого духа. Получается парадокс: с одной стороны нынешний Санкт-Петербург – город мигрантов, а с другой – в нем, как нигде силен локальный патриотизм, чувство земляческого родства. И основа тут – не футбольный клуб «Зенит», или хоккейный СКА, спортивный фанатизм – это поверхностные проявления, проявления с отклонениями. Там больше люмпенского, чем питерского. А глубже, в основе, лежит неформальный кодекс сопричастности к «блистательному» Санкт-Петербургу. Несомненно, стихи Николая Агнивцева, не просто навевают, а выливают в камне метафорические образы «северной Пальмиры». Но и без них любому оглядывавшемуся по сторонам и наблюдавшему происходящее вокруг человеку город этот становится небезразличен. Кстати, по количеству «народных», метафорических названий Санкт-Петербург не уступает, а, возможно, и превосходит Москву. Попробуем перечислить: «великий город с областной судьбой», «город белых ночей», «город трех революций», «культурная столица», «криминальная столица», «колыбель революции» «окно в Европу», «Петрополь», «пивная столица», «Питер», «северная Венеция», «северная Пальмира», СПб. Список этот, думаю, не полон и наверняка петербуржцы, обратись к городскому фольклору, могут добавить к этому списку еще немало названий своего города.

Живя в «северной столице», имел возможность убедиться, что петербуржцы, действительно, немножечко другие. И дело тут не в уже ставящей притчей во языцех сравнения «батона» с «булкой», «поробрика» с «бордюром» или «подъезда» с «парадным». Основное различие – в ощущении и уважении личного пространства. Москвич, как правило, считая себя центром всего сущего по определению не видит и не чувствует личного пространства тех, кто находится рядом с ним и вокруг его. Зашкаливавший эгоцентризм исключает возможность иметь в виду кого-то еще или адекватно воспринимать отличное от его собственного мнение. Опять же невозможно сказать: хорошо это или плохо. Иногда это является мотором раскручивания новых идей, амбициозных проектов. Бывают ситуации, когда любое критическое замечание является тормозом и его лучше проигнорировать. В таких моментах определяющим, на мой взгляд, является принцип : «Не выстрелил – точно промазал».

А у петербуржцев есть внутреннее понимание и уважение чужого мнения и чужого пространства. Последнее хорошо воспринимается, когда «поездишь» в метро сначала в Москве, а затем в СПб. Если это делать в течение одного дня, (а зачастую, когда уезжал в Санкт-Петербург первым «Сапсаном», в московское метро спускался еще до шести утра), то легко сравнить ситуации и проанализировать собственные самоощущения.

Даже в узких сферах профессиональной деятельности чувствовалось различие между «московскими» и «питерскими». Работая в СПб в крупной горно-рудной компании и в то же время регулярно бывая в Москве в целях согласования в экспертизах проектной документации, не мог не сравнивать уровень подготовки горных инженеров. Питерские «гипы» выделялись своим перфекционизмом, тщательным отношением к деталям. В Москве, в Главгосэкспертизе, на приемке документации и дальше, в процессе подготовки заключений по разделам проекта, сотрудники Главгосэкспертизы иногда открыто, иногда не явно, полунамеком, отмечали качество проработки проектных решений. Большинство главных инженеров проектов заканчивали ленинградский Горный институт, ныне – Национальный минерально-сырьевой университет «Горный» (Горный университет). Не знаю, насколько уместно и даже корректно сравнивать подготовку по-питерски с московским обучением, выскажу сугубо личное мнение: учат в Санкт-Петербурге точным наукам хорошо...

Запомнилась одна, где-то вычитанная и даже выписанная цитата одного из местных питерских журналистов. Относилась она прежде всего к советским временам, но тренд этот – хорошая базовая подготовка и дальнейшее отсутствие перспектив – актуален и в наши дни:

«Если ты остаешься в Ленинграде, а не сбегаешь за границу, не уезжаешь в Москву, то твое будущее известно на много лет вперед. Будешь подполковником или кандидатом наук. Можешь спиться. Или, потолкавшись в «Сайгоне», станешь советским дауншифтером, уедешь, например, работать лесником». Короче, читайте Довлатова, там все про это есть.

Питерская непохожесть как форма самосохранения? Можно оценивать это как угодно, называть как угодно, но данное явление (назовите «феномен», еще как-нибудь, – без разницы имеет место быть. Как это оценить – не знаю. Не мне ставить оценки. Узнав поближе горожан – нынешних «питерщиков», склонен считать, что скорее – хорошо. Потому что это искренне и неравнодушно... И на фоне того, что у нас традиционно мейнстрим – «лениво и нелюбопытно» – это идет в плюс. Хотя, конечно,

чего скрывать, зачастую локальный патриотизм принимает излишние, сказал бы даже, экзотические формы.

Недавно прочитал книжку известного питерского краеведа и историка Льва Лурье «Без Москвы», и вот что вычитал: «Петербург всегда испытывал к Москве тихую ненависть. У нас москвичи считаются людьми шумными, невоспитанными, неглубокими, живущими за чужой счет. Петербург вечно лелеет мечту о реванше. Все слои и социальные группы объединяет надежда на неожиданную и беспрекословную победу питерского Давида над московским Голиафом...»

И вот какой вопрос меня долгое время занимал: кого же автор в своей эзоповой лексике имел в виду под «питерским Давидом» и соответственно «московским Голиафом».

А как Вы как думаете? Может есть какая-либо местная идиома? Самсона – я бы еще понял... Фонтан, Петергоф и все такое... А Давид?

Менее эмоциональным, но более сущностным представляется мне оценка этого явления М. Лурье: «Представление о петербуржце как о жителе особого города, носителя особой культуры, характера, темперамента цементирует локальное сообщество, несмотря на то, что сообщество нельзя назвать единым. Если с Петербургом связано понятие человеческого одиночества, то при всей уютности нашего города эта идея формирует сознание и делает людей одинокими».

...Карьера Пети Кокарева после окончания вуза складывалось внешне вполне успешно. Его забрало себе одно мощное внешнеполитическое ведомство. Он быстро отправился в зарубежную служебную командировку, затем в еще одну и еще. И как-то исчез из поля зрения.

Вновь я пересекся с ним в конце 90-х. Он к тому времени стал молодым пенсионером и пытался заниматься бизнесом, используя возникшие ранее связи. Но что-то у него не очень получалось, не знаю – почему. Мы с ним несколько раз выпивали. Он хвастался, что в долгих зарубежных командировках, «от нечего делать» он учился играть в теннис (в 90-е – это был самый модный вид спорта) и достиг «выдающихся» результатов в этом элитарном виде спорта. Но чувствовалось, что это уже не тот Петя Кокорев, которого я знал по институту.

Разговаривал он каким-то ненастоящим, искусственно коммерциализированным языком. Пытался выдавать себя за того, кем по сути не был. Памятные мне еще с наших студенческих годов инфернальные вспышки в его глазах уже не вспыхивали. Осуждать за это Петю я не хотел и не мог.

Справедливости ради следует признать, что действительно, с абсолютным большинством людей, которых я знал по 70-м и 80-м, произошли непредсказуемые метаморфозы. Погрузившись в пучину облегченного консюмеризма, многие из тех, кого воспринимал как личностей с ярким ощущением жизни и цели, превратились в односторонне-ориентированных, умышленно одномерных человек, в лучшем случае – в менеджеров усредненной эффективности, без особых порывов и амбициозных устремлений. Да и уцелели не все...

В 2002 году (месяц, конечно, не вспомню) мне неожиданно позвонил Юра Русаков и сообщил о смерти Пети Кокорева. Как гром среди ясного неба... Его нашли мертвым в своей квартире, дверь в квартиру, якобы, была незапертой... История достаточно мутная...

Помню свои первые ощущения: еще молодой мужик, пятьдесят лет, успешная, внешне во всяком случае так казалось, карьера.. Ранняя пенсия... Еще можно было пожить, столько сделать-переделать... Казалось бы...

Конечно, много я не знал. Наверняка была изнанка этой внешне успешной жизни. Впоследствии из разговоров с сокурсниками узнал о некоторых вещах, о которых ранее только догадывался. Петя не хотел, не желал, а скорее всего и не умел заниматься бизнесом серьезно. Используя старые служебные связи, зачастую откровенно блефуя, он искал в примитивных схемах (типа посредничества) легких доходов. Была все же у него склонность к некой аффектации и даже авантюризму. Как не вспомнить ту бесовщину в его серо-зеленых глазах. Какие то демоны все же жили внутри него и периодически пытались прорваться наружу, а скорее всего и прорывались. Видимо, кого-то подвел, обещал и не исполнил... вроде как забыл... Но точно не знаю, поэтому утверждать ничего не смею.

Где похоронен Петя Кокорев, я не знаю, но иногда вспоминаю его, и именно в той институткой черной рубашке с крупными белыми горошинами.

Кстати, о фамилии Кокорев. Историкам Петербурга хорошо известна эта фамилия. Да кто же не знал знаменитого в середине девятнадцатого века в России купца первой гильдии Василия Кокорева, выходца из Солигалича, провинциального городка Костромской губернии, из семьи подлинных староверов, одного из богатейших людей того времени, начинавшего свое дело с попыток преобразовать местный солеваренный завод в общезначимой курорт с минеральными водами и сотворившего свои ог-

ромные капиталы на откупных схемах. Обладая прекрасным коммерческим чутьем, Василий Кокорев стал поверенным богатого казанского откупщика и приведя в порядок откупа в Казанской губернии, в возрасте 27 лет развернул собственный бизнес, и вскоре стал самостоятельным откупщиком. К сорока годам Кокорев сделался сказочно богат. Его состояние составляло около 30 миллионов рублей (при тогдашнем общероссийском бюджете в 200 миллионов рублей). В России того периода Василий Кокорев получил широчайшую известность как благотворитель (по нынешней лексике – меценат). Открыл первую общедоступную картинную галерею в Москве, много жертвовал на помощь героев обороны Севастополя. Человек с жестом, не скопидом... Правда, огромные капиталы не приблизили Кокорева к высшей власти, не сделали своим среди дворянства... Потом банкротство, попытка снова подняться, неудачная... Пришлось распродавать пай и акции, пожертвовать картинной галереей...

Не только для петербуржцев, но и для москвичей фамилия Кокорев долго была на слуху. В Москве прямо напротив Кремля находится «Кокоревское подворье», комплекс зданий для магазинов, складов, гостиниц и иных торговых помещений на Садовническом острове, между Софийской набережной Москва-реки и Водоотводным каналом. Строительство каменного здания гостиницы было начато в 1860 и завершено в 1864 году, велось оно по передовым на тот период технологиям. В «нумера» была проведена вода, имелись как ванны, так и клозеты, а для занятия досуга постояльцев организована бесплатная читальня, где наряду с отечественными имелись и иностранные журналы... В советское время комплекс был надолго передан военному ведомству, но сейчас там идет широкомащтабная реконструкция по заказу Управления делами Президента (за качество работ можно не беспокоиться). По имевшимся данным, в «Кокоревском подворье» после завершения всех работ планируется разместить переезжающие со Старой площади исполком Содружества независимых государств (СНГ), Федеральное архивное агентство (Росархив) и Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Когда узнал про историю становления и падения Василия Кокорева, в подсознании невольно всплыли аналогии с Петей. Одна фамилия... Может, потомок... А может, просто совпадения, мало ли людей с такой фамилией. Сейчас уже ни у кого не спросишь. Проходя по Софийской набережной мимо уже несколько лет активно реконструируемого «Кокорев-

ского подворья» и встречая на информационном щите эту фамилию, вновь и вновь вспоминаю Петю.

Так что же, есть питерский характер или это некий миф, плод воображения местных «патриотов» и историографов, видящих вокруг то, чего не существует в природе, но существует в их воображении? Для себя я так и не дал ответа на эти вопросы. Но тема живет, и думаю будет жить... В конце концов, если есть у каждого человека свой собственный характер, и говорят даже, что есть характер и у нации, то почему бы не быть характеру у большого современного города, тем более такого замечательного, как Санкт-Петербург.

Петя Кокарев был первый «питерский», которого я встретил в своей жизни. Встретил – и надолго запомнил.

Москва, 2015